

УДК 821.111
ББК 83.3(7)
В12

Ellen Marie Wiseman
THE PLUM TREE

Перевела с английского
Елизавета Рыбакова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Алексей Вайнер

Вайсман Э. М.

В12 Сливовое дерево : [роман] / Элен Мари Вайсман; [пер. с англ. Е. Рыбаковой] — СПб. : Аркадия, 2018. — 496 с. — (Серия «Методу»).

ISBN 978-5-906986-27-6

Германия, годы Второй мировой войны. Семнадцатилетняя немецкая девушка Кристина изо всех сил пытается выжить вместе с родными: преодолеть голод, холод, избежать смерти от бомбардировок союзной авиации и заключения в лагерь Дахау. И при этом рискует всем, чтобы спасти свою единственную любовь — еврейского юношу Исаака, который открыл Кристине мир книг и музыки.

Глубоко трогательная и мастерски написанная история о человеческой способности выживать и верно любить при любых обстоятельствах, рассказанная писательницей Элен Мари Вайсман, переведена на восемь языков и опубликована тиражом более полутора миллиона экземпляров.

УДК 821.111

ББК 83.3(7)

© Ellen Marie Wiseman, 2012
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия»,
2018

ISBN 978-5-906986-27-6

Моей матери Сигрид, самой сильной женщине на свете, с глубокой любовью и восхищением.

Памяти моей любимой сестры. Кати, я скучаю по тебе каждый день.

Назначив Гитлера рейхсканцлером, вы передали наше священное германское отечество одному из самых отъявленных демагогов в истории. Я предрекаю вам, что этот порочный человек ввергнет рейх в пропасть и навлечет на нашу нацию неслыханные беды. Будущие поколения проклянут вас за это решение.

*Из телеграммы бывшего генерала
Эриха Людендорфа президенту
Паулю фон Гинденбургу*

Глава первая

Для семнадцатилетней Кристины Бёльц война началась с неожиданного приглашения на вечеринку к Бауэрманам. В тот чудесный осенний день 1938 года грядущие бедствия невозможно было даже вообразить. Воздух был свежим и душистым, как румяные яблоки в садах, окаймляющих подножия пологих холмов в долине реки Кохер. Солнце сияло на синем сентябрьском небе, по земле бежали тени от высоких, похожих на вату облаков. В покрывавших холмы лесах стояла тишина, нарушаемая лишь перебранкой соек да суетой белок, запасавших на зиму семена и орехи. Древесный дым

перемешивался со мшальым запахом ели, и этот дымчато-землистый аромат, несмотря на осеннюю прохладу, придавал утреннему воздуху густоту и осязаемость.

Дожди в тот год случались редко, и засыпанные листьями лесные тропы были сухими, а потому Кристина могла бы бежать по крутым каменистым спускам, не опасаясь поскользнуться. Вместо этого она подала руку Исааку Бауэрману и позволила ему помочь ей слезть с обросшего лишайником валуна. Знал бы он, сколько времени девушка проводит в лесу! В другой раз она, как резвая козочка, бесстрашно прыгнула бы с Дьявольского камня и приземлилась на скользкий покров из сосновых иголок и рыхлой земли, слегка согнув колени, чтобы не упасть вперед. Но сейчас она боялась произвести впечатление дикарки, лишенной изящества и не обученной хорошим манерам. А то еще хуже: вдруг Исаак, чего доброго, вообразит, что она до сих пор верит в глупую старую сказку о валуне — будто бы однажды здесь убило молнией мальчишек, сбежавших с церковной службы. Исаак рассмеялся, услышав об этом, но потом, когда они спускались с валуна, хватаясь за его изборожденные трещинами бока, Кристина пожалела, что рассказала ему эту местную легенду.

— А как ты узнал, где я... — поинтересовалась она. — Ну... Как ты меня нашел?..

— Поискал у отца в столе платежные табели, там был твой адрес, — ответил он. — Надеюсь, ты не возражаешь, что я напросился с тобой на прогулку.

Кристина ускорила шаг, чтобы он не увидел ее улыбку.

— Я не против, — проговорила она.

Она была более чем не против. Тоскливое ощущение пустоты, которое всегда мучило ее в разлуке с ним, унялось. По крайней мере сейчас. Утром, едва проснувшись,

Кристина стала считать минуты до того момента, когда пойдет на работу в особняк Бауэрманов. Позавтракав теплым козьим молоком с черным хлебом и сливовым повидлом, она похлопотала по хозяйству, потом попробовала читать, но тщетно: оставаться дома было невмogu. Довольно смотреть на часы — лучше отправиться в горы за эдельвейсами и альпийскими розами, чтобы украсить стол к юбилею бабушки и дедушки.

— А что скажут твои родители, если узнают, что ты гулял здесь? — осведомилась Кристина.

— Ничего, — откликнулся Исаак.

Он обогнал девушку и пошел перед ней спиной вперед, притворяясь, что она вот-вот наступит ему на носки, но в последнее мгновение отскочил в сторону. Исаак засмеялся, и она просияла, очарованная его озорной улыбкой.

Кристина знала, что Исаак много читает и усердно учится; он, вероятно, без труда назовет латинские наименования земляники и лесного ореха, в изобилии растущих на травянистых пригорках. Наверняка он умеет определять виды птиц, даже в полете, и распознавать животных по следам на мягкой земле. Но он черпал знания из книг, а она — из наблюдений и народных преданий. В детстве Кристина исходила вдоль и поперек покатые холмы и густые леса в окрестностях своего родного городка Хессенталя и потому знала каждую извилистую тропу и каждое вековое дерево, все пещеры и ручьи. Ранним утром она всегда собирала в лесу грибы — различать съедобные и ядовитые терпеливо учил ее отец, — и вскоре это стало ее любимым времяпрепровождением. Она с удовольствием сбегала из города, шла мимо полей, пересекала железнодорожные пути и шагала по разбитым телегами дорогам, постепенно

переходившим в узкие лесные тропинки. Во время этих одиноких прогулок Кристина давала волю фантазии.

Сколько раз взбиралась она к развалинам собора тринадцатого века в самом сердце леса и предавалась мечтам в заросшем мягкой травой уютном гнездышке, защищенном тремя древними крошащимися стенами. Наружные полуарки уже не поддерживали их, оконные проемы были пусты и служили лишь каменными рамами для вечнозеленых ветвей, белесоватого неба или мерцающих звезд, которые баюкал в своей колыбели белый серп месяца. Кристина часто стояла там, где, по ее предположению, находился алтарь, и пыталась представить себе тех, кто молился, сочетался браком и плакал под парящими церковными сводами: рыцарей в блестящих доспехах и длиннородых священников, баронесс, увешанных драгоценностями, и сопровождавших их дам, толпившихся позади.

Больше всего ей нравилось приходить сюда, на вершину холма, летней зарей, когда на траве лежит роса и в воздухе разлит аромат влажной земли и сосновой хвои. Любила она и первый тихий день зимы, когда весь мир погружался в дремоту и только что выпавший снег скрадывал неприглядность скошенных желтых полей пшеницы и голых серых ветвей деревьев. Здесь, под густым покровом вечнозеленой хвои, где солнечный свет почти не проникал к прелой лесной подстилке, Кристина чувствовала себя как дома, Исааку же, наверное, было уютно в готическом особняке на другом конце города, где к железным воротам с обеих сторон подступала живая изгородь, а громадные двери обрамлял резной портал с каменными горгульями и изображениями святых.

— А что подумает Луиза Фрайберг? — любопытствовала Кристина.

— Понятия не имею! — Исаак пошел рядом с ней. —
Какая разница?

Кристина бы принарядилась, знай она заранее, что в то утро он появится в их доме на Шеллергассе и будет молча ожидать на каменных ступенях, пока она закроет огромный кованый засов входной двери. Рыжевато-коричневое шерстяное пальто до щиколоток, которое подарила девушке на Рождество обожаемая ею бабушка, было плотным и теплым, но жесткий воротник и потертые карманы напоминали о том, что его сшили из каретного одеяла.

Теперь, ведя Исаака через лес вниз по холму к яблоневым и грушевым садам, Кристина касалась пуговиц пальто, пробегала пальцами по его борту, чтобы удостовериться, что оно полностью скрывает старенькую одежду, надетую под ним. Сборчатые рукава и прошитый потайным швом подол ее детского платья были коротки, расстегнутый лиф тесно облегал грудь, а синеватая клеточка казалась слишком ребяческой. Серые чулки, поддерживаемые ремешками, пристегнутыми к нижней рубашке, мохнатились бесчисленными катышками и зацепками, оставленными шипастыми кустами и грубой корой деревьев. Но Кристина всегда так одевалась на прогулку, ведь до нынешнего дня она ходила в лес одна. Ей не приходилось беспокоиться о платье, когда она становилась на колени, чтобы сорвать укрытый под влажным папоротником гриб или, ползая по земле, собирала буковые орешки для приготовления растительного масла.

Все в ее семье носили одежду, сшитую из цветных простыней или переделанную из старых вещей. И Кристина никогда не задумывалась об этом, пока не начала работать у Бауэрманов. Большинство девушек и женщин

в городе одевались точно так же — в поношенные платья и юбки, накрахмаленные передники с залатанными карманами и высокие башмаки на шнуровке. Но собираясь на работу в дом Исаака, Кристина всегда облачалась в одно из двух воскресных платьев. Эти лучшие свои наряды она приобрела в местной одежной лавке, выменяв их на яйца и козье молоко.

Такая расточительность расстраивала *мутти*¹ — ее звали Роза, — которая уже десять лет работала у Бауэрманов полный день. Выходные платья предназначались для посещения церкви, негоже надевать их для мытья посуды, стирки белья и чистки серебра. Но Кристина поступала по-своему и не обращала внимания на то, каким строгим взглядом провожала ее *мутти*, когда она входила в выложенную бежевой плиткой кухню Бауэрманов. Иногда Кристина одалживала платье для работы у своей лучшей подруги Кати, обещая вернуть его незамаранным. Перед тем как отправиться на работу, она всегда тщательно расчесывала белокурые волосы, заплетала их и укладывала «корзинкой». Но когда утром Исаак неожиданно появился на пороге, ее волосы были небрежно собраны в косу, закинутую за спину.

К ее облегчению, сам Исаак был в коричневых рабочих брюках на помочах и синей фланелевой рубашке, в которых он стриг траву или рубил дрова, а не в отутюженных черных брюках, белой рубашке и темно-синем жилете, в которых ходил в университет. Бауэрманы были состоятельны и нужды не знали, но отец приучал детей к труду. Исаак и его младшая сестра Габриелла несли постоянные обязанности по дому.

¹ *Mutti (Mutti)* — матушка (нем.). Здесь и далее примеч. перев.

— Представляю, что бы сказали твои родители, — проговорила Кристина, не отрывая взгляда от красной ленты тропы.

Постепенно лес стал редеть, вековые дубы и буки сменились нескладными молодыми деревьями, и путники вышли из темноты леса к расположенному высоко на холме яблоневому саду. Шесть белых овец, пасшихся на полянке, при внезапном появлении людей дружно подняли свои кучерявые головы. Кристина остановилась и жестом велела своему спутнику замереть на месте. Овцы посмотрели на них и продолжили щипать траву. Довольная тем, что они не спугнули животных, девушка опустила руку и двинулась было дальше, но Исаак схватил ее за запястье и потянул назад.

Рослый, около ста восьмидесяти пяти сантиметров, с широкими плечами и мускулистыми руками, худенькой и невысокой Кристине он казался великаном. Они очутились лицом к лицу, и, заглянув в его сияющие карие глаза, девушка почувствовала, как кровь прилила к ее щекам. Она знала наизусть каждую черту его лица, любовалась его волевым подбородком, волной темных волос, спадавших на лоб, гладкой загорелой кожей могучей шеи.

— Откуда ты знаешь, что думают мои родители? — широко улыбнулся Исаак. — Разве вы с моей мамой беседовали за кофе с пирогом?

— *Nein!*¹ — рассмеялась Кристина. — Твоя мама не приглашала меня на кофе.

Мать Исаака, Нина, была женщиной честной и щедрой и время от времени присылала семье Кристины

¹ *Nein* — нет (нем.).

гостинцы: *линцеторт*, *апфельштрудель*¹ или *пфлауменкухен*². Поначалу *мутти* пыталась отказываться от подарков Нины, но та только качала головой и настаивала, говоря, что ей приятно помочь нуждающимся. Бауэрманы пили настоящий кофе, не *эрзац-кофе*³ и не цикорий, и мама Исаака иногда передавала с Кристиной фунт обжаренных зерен для ее родных. Но распивать с прислугой кофе из своего лучшего фарфорового сервиза было не в правилах Нины Бауэрман.

— *Mutti* сказала, что между вами с Луизой все уже решено, — произнесла Кристина, смущенная тем, как крепко его широкая теплая ладонь держит ее руку. Она высвободилась и с бешено колотящимся сердцем пошла дальше.

— Ничего не решено, — ответил Исаак, следуя за ней. — Мне все равно, что думают люди. К тому же разве ты не знаешь: Луиза уезжает в Сорбонну.

— Но она ведь вернется? И *Mutti* рассказала мне, что фрау Бауэрман всегда говорит: «Достань сегодня лучшее столовое серебро, Роза. На обед придут Луиза и ее семья». На прошлой неделе она велела: «Сегодня день рождения Луизы, купи лучшую селедку, чтобы приготовить ее любимое блюдо — *Matjesheringe in Rahmsosse*⁴. И проследи, чтобы за кофе Исаак и Луиза сидели рядом».

— Только потому, что наши семьи дружат. Наши матери выросли вместе.

¹ *Линцеторт* (*Linzertorte*) — линцкий торт (пирог с повидлом); *апфельштрудель* (*Apfelstrudel*) — яблочный штрудель (нем.).

² *Пфлауменкухен* (*Pflaumenkuchen*) — сливовый пирог (нем.).

³ *Эрзац-кофе* (*Ersatz Kaffee*) — заменитель кофе (нем.).

⁴ *Матъесерин ин рамзосе* (*Matjesheringe in Rahmsosse*) — мало-солевая молодая сельдь в сливочном соусе (нем.).

— Твои родители надеются...

— Мама знает, что я об этом думаю. И Луиза тоже.

— А отец?

— Он не вмешивается. Родители отца возражали против их с мамой брака, потому что она не исповедовала иудейскую веру. Но он не послушался их и женился. Так что и меня принуждать не станет.

— И что же ты? — продолжила Кристина, пряча руки в карманы пальто.

— А я наслаждаюсь прогулкой в прекрасный день с красивой девушкой, — ответил Исаак. — Что в этом плохого?

От его слов по телу Кристины пробежал сладкий трепет. Она отвернулась и устремилась вниз по холму, мимо последнего ряда яблонь с перекрученными стволами к деревянной скамье, чьи толстые ножки вонзались глубоко в грунт крутого склона холма. Кристина обернула полы пальто вокруг ног и села, надеясь, что Исаак не заметит, как дрожат ее руки и коленки. Юноша опустился рядом, опершись локтями на низкую спинку и вытянув ноги.

Отсюда они видели железнодорожные пути, которые тянулись от станции, по широкой дуге огибая холм, а затем уходили вдаль. За насыпью расстилались вспаханные поля с ровными бороздами — вся долина казалась одеялом, сшитым из зеленых и коричневых лоскутов, — а за ними высился город. Дым струился из труб и уносился к разукрашенным осенними красками холмам. Река Кохер серебряной лентой, обрамленной высокими каменными стенами и разрезанной на части крытыми мостами, змеилась через центр города. Над рыночной площадью возвышался шпиль готического собора